

На правах рукописи

Васильева Елена Юрьевна

Традиция сентиментализма в творчестве раннего Л.Н. Толстого

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Томск – 2006

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
В ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор
Жилякова Эмма Михайловна

Официальные оппоненты доктор филологических наук, профессор
Кафанова Ольга Бодовна
кандидат филологических наук
Седельникова Ольга Викторовна

Ведущая организация ГОУ ВПО «Томский государственный
педагогический университет»

Защита диссертации состоится 31 января 2007 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д.212.267.05 по присуждению учёной степени доктора филологических наук при ГОУ ВПО «Томский государственный университет» по адресу: 634050 г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета

Автореферат разослан 16 декабря 2006 года

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
профессор
Захарова

Л.А.

Общая характеристика работы

Изучение художественного наследия Л.Н. Толстого как явления национальной значимости и важнейшего события русской культуры имеет огромную традицию. В отечественной науке и критике о Л.Н. Толстом, представленной именами Н.Г. Чернышевского, Б.М. Эйхенбаума, Е.Н. Купреяновой, А.П. Скафтымова, Л.Я. Гинзбург, С.Г. Бочарова, Г.В. Краснова, Р.М. Лазарчук и многих других исследователей, глубокое освещение получили проблемы философии, этики, нравственно-религиозной, общественной и эстетической позиции писателя, вопросы своеобразия художественного метода, психологического анализа, места и роли писателя в русском и мировом литературном процессе.

Изучение творчества Л.Н. Толстого не теряет своей актуальности сегодня, будучи включенным в разработку важнейших теоретических проблем современного литературоведения.

Одной из актуальных проблем филологической науки является исследование процессов взаимодействия, динамики различных типов художественного сознания, методов, жанров и стиля, сформированных в разные эпохи, но сохраняющих как традиция огромный потенциал нравственно – философского и художественного содержания. Изучение этого процесса взаимодействия, включающего различные уровни контакта, раскрывает феномен возникновения уникального синтеза «своего» и «чужого» и выявляет механизм включения генетической памяти в новую структуру, обусловленную неповторимой художественной природой таланта и его временем.

В связи с творчеством Толстого возникает проблема преемственности художественных методов, которая остаётся до сих пор недостаточно освещённой и дискуссионной. В этом аспекте исключительную значимость представляет исследование проблемы сентиментальной традиции в творчестве Л.Н. Толстого, сказавшейся отчётливо в самом начале творческого пути: в дневниках 1847 – 1852 годов, в переводе из «Сентиментального путешествия» Л. Стерна и в повести «Детство». Обретённый ранним Толстым тип художественного видения мира, при опосредованном и непосредственном контакте с произведениями писателей – сентименталистов, является основанием всего его творчества, тем самым проблема сентиментальных традиций имеет принципиальный характер для понимания сущности его эстетики и творческого процесса.

Художественный опыт обращения молодого Толстого к сентиментализму показателен и в том отношении, что в нём отразилась чётко обозначившаяся заинтересованность писателей темой детства, оформившаяся в определённую эстетическую и художественную закономерность русской прозы середины XIX века («Сон Обломова» И.А. Гончарова, «Семейная хроника» С.Т. Аксакова, «История Ульяны Терентьевны» П.А. Кулиша). В поисках положительной основы развития общества писатели второй половины 1840 - 1850-х годов обратились к вопросам нравственного самоопределения личности, возможности духовного совершенствования, что выдвинуло на первый план проблемы становления характера, способов психологического анализа духовной жизни. Тема детства, получившая статус концепта философского, этического и эстетического содержания, необходимость решения связанных с нею проблем воспитания

нравственного чувства, а также художественная задача воссоздания процесса внутренней жизни человека, возбудили интерес к исповедальным и автобиографическим формам, что в свою очередь актуализировало проблему сентиментальных традиций для решения этих задач.

Важность изучения проблемы сентиментальных традиций на материале не только русской литературы XIX века, но и современного искусства обусловлена необходимостью преодоления общественного индифферентизма к нравственно-этическим ценностям, неуважения к человеческой личности в ситуации постперестроечного периода. Именно сентиментализм, по мнению А.В. Михайлова, утверждал статус «самоосмысляющей личности»¹ как высшей ценности общества и предмета искусства, обратил внимание писателей на ранее не предполагаемую глубину, богатство и непредсказуемость духовной жизни человека, одарил художников свободой творчества, провозгласил идею нравственной чувствительности как основы общения и жизнелюбия, актуализировал проблему воспитания.

Таким образом, **актуальность** диссертации связана с современными тенденциями литературоведческой науки: исследование проблемы диалога культур, генезиса и развития художественного метода писателя как процесса творческого осмысления и восприятия традиций русского и европейского сентиментализма, изучение механизма диалога «своего» и «чужого» на уровне соотношения разных типов художественного сознания. В этом плане перевод из Л. Стерна и повесть «Детство» обладают исключительной значимостью, так как изучение различных аспектов восприятия Л.Н. Толстым произведений Л. Стерна, Ж.-Ж. Руссо, Н.М. Карамзина, проблем воспитания и душевной «чувствительности», позволяют осмыслить истоки философии, этики и эстетики молодого писателя. Исследование этой проблемы в контексте произведений русских писателей 1850-х годов, посвящённых эпохе детства, позволяют сделать вывод о принципиальной важности этих традиций для русской литературы середины XIX века.

Постановка проблемы сентиментальных традиций в ситуации нравственно-психологического кризиса современного общества, утраты гуманистических перспектив возрождения личности приобретает особую актуальность как возрождение памяти духовного опыта человечества, хранителя нравственных и художественных ценностей, основанных на принципах доверия и уважения к личности, устремлённой к поискам гармонии и духовному совершенству.

Объектом диссертационного исследования в данной работе стала совокупность документального (дневники и письма) и художественного наследия раннего творчества Л.Н. Толстого, в частности, ранний перевод отрывка из «Сентиментального путешествия по Франции и Италии» Л. Стерна, роман «Четыре эпохи развития» и первая повесть «Детство», а также творчество русских и европейских писателей–сентименталистов. **Предмет** данного исследования – сентиментальные традиции в творчестве раннего Толстого.

¹ Михайлов А.В. Обратный перевод. - М., 2000. - С. 255.

Целью работы является исследование характера восприятия Л.Н. Толстым традиций сентиментальной литературы. Достижение поставленной цели требует решения следующих **задач**:

1) на основании дневников писателя и черновых редакций романа «Четыре эпохи развития» выявить основные параметры понятия «чувствительного читателя» как важнейшего аспекта эстетической системы Толстого, ориентированной на идейные и художественные принципы сентиментального искусства;

2) определить нравственно-философское и эстетическое содержание концепта «детство» в раннем творчестве Л.Н. Толстого в соотношении с его пониманием Ж.-Ж. Руссо и Н.М. Карамзиным;

3) проанализировать художественные итоги «школы» перевода Толстым отрывка из «Сентиментального путешествия» Л. Стерна;

4) рассмотреть особенности художественной структуры повести «Детство», восходящие к достижениям сентиментальной литературы: развитие внутреннего и внешнего сюжета, лейтмотивная система композиции, сопряжение идиллического и элегического начал в организации хронотопа и повествования и другие особенности поэтики;

5) обозначить место первой повести Л.Н. Толстого «Детство» в большом контексте русской психологической прозы середины XIX века, посвящённой изображению эпохи детства.

Научная новизна работы определяется системным подходом к проблеме сентиментальных традиций в творчестве раннего Л.Н. Толстого. Суть подхода и его новизны заключается в следующем:

1) впервые в истории изучения этой проблемы предпринята попытка проанализировать её в целостном комплексе религиозно-философских, нравственно-этических и эстетических аспектов;

2) восприятие и освоение Л.Н. Толстым сентиментальных традиций рассмотрено в движении от подготовительной «школы» (перевод отрывка из «Сентиментального путешествия» Л. Стерна) к созданию текста повести «Детство»;

3) на материале дневников писателя и черновых редакций романа «Четыре эпохи развития» выявлены эстетические установки молодого Толстого в соотношении с просветительской философией, христианскими принципами и сентиментальной литературой, включая такие ключевые понятия, как «чувствительный читатель», «моральное уединение», «молитва» и др.;

4) проанализирована структура первой повести Л.Н. Толстого – жанровый характер соотношения очеркового и романного, внутреннего и внешнего сюжета, идиллического и элегического начал, лейтмотивный контрапункт, особенности повествования;

5) повесть «Детство» рассмотрена в контексте произведений 1840-1850-х годов («Сон Обломова» И.А. Гончарова, «Семейная хроника» С.Т. Аксакова, «История Ульяны Терентьевны» П.А. Кулиша), определено её место в развитии русской психологической прозы, обратившейся к воссозданию эпохи детства и отмеченной интересом к сентиментальным традициям.

Методологическую и теоретическую основу работы составляют труды М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, Е.Н. Купреяновой, Д.С. Лихачёва. Также в качестве методологической основы для рассмотрения раннего творчества Л.Н. Толстого послужили исследования Б.М. Эйхенбаума, В.Б. Шкловского, Е.И. Ляпушкиной, Л.Я. Гинзбург, К.Н. Атаровой, Г.Н. Ищука, И.В. Чуприна, Я.С. Билинкиса, С.М. Шаврыгина и др.

Теоретическая значимость исследования связана с расширением понятий «чувствительность», «чувствительный читатель», «сентиментальные традиции» в аспекте актуальной проблемы «Традиции сентиментализма в раннем творчестве Л.Н. Толстого».

Практическая ценность работы заключается в возможности использования её основных положений и результатов при построении общих и специальных курсов и семинаров по творчеству Л.Н. Толстого, в лекционных курсах по истории русской литературы XVIII – XIX в.в. в вузах, средних школах и в учреждениях инновационного типа.

Апробация работы. Основные положения исследования были изложены в виде докладов на конференции молодых учёных «Коммуникативные аспекты языка и культуры». [Томск, ТПУ, 2001]; на III научно-методической конференции молодых учёных «Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики» [Томск, ТГУ, 2002]; на II Всероссийской научной конференции «Русская литература в современном культурном пространстве» [Томск, ТГПУ, 2003]; на VIII, IX и X Всероссийских конференциях «Наука и образование» [Томск, ТГПУ, 2004, 2005, 2006]; на Международной конференции «Проблемы литературных жанров» [Томск, ТГУ, 2002]; на Международной конференции «Педагогические идеи русской литературы» [Коломна, КГПИ, 2003]; на Международной конференции «Евроазиатский культурный диалог в коммуникативном пространстве языка и текста» [Томск, ТГУ, 2004]. Содержание диссертации отражено в 8 публикациях.

Положения, выносимые на защиту

1. Важнейшим фактором формирования эстетических и художественных принципов раннего Л.Н. Толстого является активное освоение писателем традиций русского и европейского сентиментализма (Л. Стерн, Ж.-Ж. Руссо, Н.М. Карамзин).

2. Ориентация Л.Н. Толстого на художественные открытия сентиментализма обусловлена содержанием его религиозно-философских и этических представлений, основанных на идеях просветительства и принципах христианской веры, актуализирующих проблему нравственного воспитания человека как пути духовного возрождения общества, сохранения нравственной чистоты.

3. Установка на воспитание «чувствительного читателя» отражает важнейшую особенность эстетической системы Л.Н. Толстого, генетически восходящей к сентиментальной концепции о природе художественного восприятия искусства, воздействующего на сердце человека.

4. Поэтическая структура художественных опытов раннего Л.Н. Толстого (перевод из Стерна, повесть «Детство») – жанровый синтез очеркового и

романного начал, развитие внутреннего и внешнего сюжета, взаимопроникновение идиллического и элегического пластов, организующих хронотоп, повествование, систему лейтмотивов.

5. Напряжённые поиски нравственных ориентиров актуализировали в русском обществе 1850-х годов концепцию детства и духовного становления личности и обусловили как закономерность художественного развития факт интереса к сентиментальным традициям целого ряда русских писателей, обратившихся к разработке темы детства (А.И. Герцен, С.Т. Аксаков, И.А. Гончаров, П.А. Кулиш).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического списка, включающего 139 наименования. Основной текст диссертации изложен на 190 с.

Структура и основное содержание работы

Во **Введении** обосновывается выбор темы, доказывается её актуальность, новизна; излагается история вопроса, определяется предмет, цели и задачи, методология исследования, раскрываются её теоретическая и практическая ценность, излагаются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Проблемы художественного восприятия и формирования личности читателя в эстетике раннего Л.Н. Толстого» посвящена проблеме, связанной с художественным восприятием и формированием личности читателя в эстетике раннего Толстого. Актуальность и значимость этой проблемы обусловлена пониманием Толстым роли искусства и содержанием его концепции человека и мира. Это является следствием глубоких раздумий Толстого и убеждает его в необходимости формирования системы образования и воспитания читателя, что было связано непосредственно с процессом нравственного становления самого Толстого и как личности, и как писателя. Она является органической частью единого комплекса нравственно-философских, общественных, эстетических взглядов Л.Н. Толстого. В этой главе прослеживается эволюция самого Толстого. Дневники и письма 1847 – 1852 годов, круг чтения писателя (А. Ламартин, Платон, А. Тьер, Д. Юм, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Шиллер, Л. Стерн, О. Голдсмит, Р. Тёпфер, Н.М. Карамзин, В.А. Жуковский и др.) показывают процесс построения собственного миропонимания Толстого, находящегося в поисках идеальных нравственных ценностей. В результате Толстой приходит к утверждению, что «нравственные принципы могут быть внушены не столько логическим путём, сколько воздействием на чувства»². Толстой подходит к этому явлению с учётом его гносеологической и культурно – нравственной роли.

Толстой вырабатывает представление о высоком назначении человека. В дневнике он записывает следующее философское положение: «Цель жизни человека есть всевозможное способствование к всестороннему развитию всего существующего»³. Размышления о цели жизни человека привели Толстого, вслед за Н.М. Карамзиным, к вопросу о роли искусства, в частности, литературы,

² Кочеткова Н.Д. Литература русского сентиментализма. (Эстетические и художественные искания). - СПб., 1994. - С.36.

³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. - М., 1937. - Т. 46. - С. 31.

которая, по его мнению, оправдывает себя только тогда, когда способствует нравственному развитию человека. Толстой приходит к выводу, что отличительными особенностями искусства должны стать искренность, ясность и понимание. Это непосредственно связано с личностью самого автора, поэтому при постановке и исследовании заявленной проблемы необычайно важным представляется выявление и изучение круга чтения Толстого, явившегося не только отражением его интересов, а, прежде всего, импульсом для глубоких размышлений писателя в процессе построения собственного миропонимания: «Евангелие от Матфея. Нагорная проповедь», произведения Л. Стерна, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф. Шиллера, Р. Тёпфера, Ч. Диккенса, Ламартина, Платона, Лабрюйера, Юма, Ж.-Ж. Руссо и др. В результате Толстой приходит к пониманию того, что для самоусовершенствования человека необходимо неразрывное единство умственного и нравственного развития, поэтому он рассматривает три стороны воспитания: физическое, нравственное и умственное. Эти размышления ориентированы на Шиллера, в трудах которого можно видеть некоторые истоки философии Л.Н. Толстого: «человек в его *физическом* состоянии подчиняется лишь своей природе, в *эстетическом* состоянии он освобождается от этой силы и овладевает ею в *нравственном* состоянии»⁴; необходимо всестороннее развитие человека; утверждение диалектики отношения человека и общества: только в гармонии возможно развитие общества и совершенствование человека; основной закон *эстетического* государства – «свободой давать свободу»,⁵ т.е. роль искусства заключается в том, чтобы помогать развиваться государству. Это позволяет говорить о поисках Толстым тех «идеальных нравственных ценностей, мерой которых можно было бы мерить все поступки людей и все проявления их душевной жизни»⁶.

Особое место в круге чтения молодого Толстого занимали отечественные и зарубежные авторы – философы, писатели, учёные, - в трудах которых получили обоснование и развитие принципы сентиментализма: Ж.-Ж. Руссо, Ж.-Л.-Л. Бюффон, Л. Стерн, О. Голдсмит, Н.М. Карамзин. Сопоставительный анализ позволяет прийти к выводу, что Толстому близка их сосредоточенность на нравственной, душевной жизни обыкновенного героя. Принципиально важным для него в осмыслении традиции сентиментализма было философское понимание чистоты нравственного чувства, воплощенного в христианских принципах гуманизма. Сентименталисты писали из «сердца», раскрывали сложную внутреннюю жизнь героев и апеллировали к чувству. Благодаря сентименталистам Толстой вырабатывает определённые приёмы и формы, которые составили основу его художественного метода.

В нравственно-философской системе Толстого важное место занимали проблемы формирования «чувствительного читателя». Изучению данной проблемы посвящены работы Г.Н. Ищука⁷, который отмечает, что молодой писатель выдвигает художественно – творческое понятие - «воображаемый читатель» и наделяет его определяющими качествами – *пониманием* и *чувствительностью*.

⁴ Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. // Шиллер Ф. Статьи по эстетике. - М.-Л., 1935. - С. 271.

⁵ Там же. - С. 291.

⁶ Гудзий Н.К. Творчество Л. Толстого до «Войны и мира» // Гудзий Н.К. Л.Н. Толстой. - М., 1956. - С. 11.

⁷ Ищук Г.Н. Проблема читателя в творческом сознании Л.Н. Толстого. - Калинин, 1975; Лев Толстой. Диалог с читателем. - М., 1984.

Обращение к рабочим материалам раннего Л.Н. Толстого («Четыре эпохи развития») позволяет увидеть, как с помощью адресата (воображаемого, имплицитного читателя) создание произведения рассматривается как начальная стадия эстетической коммуникации, а его завершённый текст – как воплощение определённой «программы» воздействия. Проблема читателя изначально включена у Л.Н. Толстого в систему нравственно-философских вопросов.

Документальные материалы (дневники и письма) раскрывают концепцию самоусовершенствования и нравственного развития человека в представлении Толстого, которая строится на единстве просветительской философии и религиозных христианских принципов. Особое место в связи с этим в нравственном становлении человека занимает молитва и проповедь как способы духовного развития человека, как условие для нравственного саморазвития.

В создаваемой писателем системе воспитания личности читателя важное значение приобретает понятие «морального уединения», которое имеет принципиальный смысл, так как сопрягает в единую систему философию, этику и эстетику Л.Н. Толстого. Под влиянием философской прозы Н.М. Карамзина («Мысли об уединении»), В.А. Жуковского («Мысли при гробнице», «Мысли на кладбище»), философских размышлений Ф. Шиллера и Ж.-Л.-Л. Бюффона Толстой рассматривает моральное уединение как особое духовное состояние нравственной и религиозной устремленности человека к моральному благу, внутреннее самоуглубление, восхождение к вопросам смысла жизни, погружение в натурфилософские проблемы. Л.Н. Толстой поднимает проблему художественного восприятия и формирования личности читателя, которая необходима ему для воплощения его философской концепции развития нравственного начала человека.

Во второй главе «Ранний перевод Л.Н. Толстого («Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» Лоренса Стерна)» прослеживается процесс становления эстетики творчества молодого Л.Н. Толстого и формирования языковых и стилистических приёмов. Это связано с ранними опытами Толстого. Он переводит на русский язык отрывок из «Сентиментального путешествия по Франции и Италии» английского писателя – сентименталиста Л.Стерна. Перевод, сделанный в 1852 году, чрезвычайно интересен и заслуживает специального исследования.

В отечественном литературоведении изучению «Сентиментального путешествия...» Лоренса Стерна посвящён целый ряд работ, среди которых особый интерес представляют исследования И.Е. Верцмана, К.Н. Атаровой, В.Б. Шкловского.

И.Е. Верцман считает, что заслуга Стерна в том, что он «понимает под истинным «сентиментализмом» не расплывчатую чувствительность, не обольщение других и не самообольщение, а честность, открытость», и заслуга Стерна заключается в том, что он создал в английской литературе своеобразный юмор, иронизируя над ограниченностью человека и понимая, что и сам является частью несовершенного мира, поэтому смех у него снисходителен.

В.Б. Шкловский в книге «Лев Толстой» (1963) обращает внимание на композиционные особенности произведений Толстого («Детство») и Стерна («Сентиментальное путешествие...»).

К.Н. Атарова в статье «Лоренс Стерн и Лев Толстой» (1974) указывает на общие черты творчества писателей, для этого ею была исследована манера

повествования, способы отбора материала, принципы обрисовки персонажа, особенности композиции. К.Н. Атарова выделяет приёмы организации материала: хаотичность композиции, усложнённость синтаксиса, склонность к отступлениям; содержательную близость – и приходит к выводу, что оба выступают против романических и романтических условностей и стремятся показать жизнь как она есть, во всей её прозаической поэтичности; бессюжетность повествования; тонкий анализ чувств героя и создание портрета через незначительные внешние детали (жест, улыбка, взгляд и т.д.). Атарова отмечает, что для Стерна характерна зыбкая и неустойчивая картина мира, субъективный идеализм и всеобъемлющая ироническая позиция, он даёт череду эпизодов для выявления личности героя, его герой статичен, неподвижен. У Толстого картина мира предстаёт чётко и детерминировано, он ищет генеральную линию развития своего героя, что придаёт эпический размах его произведениям, его интересует динамика, эволюция личности в период её формирования.

Существует достаточно много переводов на русский язык «Сентиментального путешествия по Франции и Италии» Л. Стерна. Переводы А.В. Колмакова, Г. Апухтина, Н. Карина, Я.А. Галинковского, Н.М. Карамзина, Д.В. Аверкиева, А.А. Франковского существенно отличаются друг от друга и по выбору отрывков для перевода, и по стилистике, и по обрисовке характера главного героя и автора.

Сразу после опубликования «Сентиментальное путешествие...» Стерна вызвало большой и противоречивый интерес у читателей, так как автор стремился обратить внимание англичан XVIII века «на сложность ткани душевной жизни человека, на переплетённость всех чувств и ощущений».

В России интерес к Стерну возник не случайно, с появлением споров вокруг понятия «чувствительность» чаще стал возникать вопрос о необходимости разграничения «чувствительности» истинной и ложной. Участники споров в поисках ответов на мучившие их вопросы нередко обращались к авторитету наиболее известных авторов, прежде всего, к Л. Стерну и Руссо. Переводы произведений этих авторов, появившиеся на русском языке, стимулировали процесс дальнейшего освоения и осмысления стернианства.

Анализ перевода, сделанного А.В. Колмаковым (1793), показывает недостатки, свойственные его работе: излишняя русификация и буквализм, использование неправильных грамматических конструкций («по четыре копейки»), просторечных слов и выражений, свойственных именно русской речи, отсутствие галлицизмов, смешение стилей, отсутствие единой стилистической направленности. Вместе с тем нельзя не отметить сентиментального вкуса переводчика. Он вводит достаточно много слов и выражений, которые относятся к сентиментальной стилистике («врождённая кротость»), что указывает на склонность самого переводчика к чувствительности.

Известный русский переводчик Я.А. Галинковский (1801) указал на причины интереса к Стерну: «В Англии знают *Стерна* – все удивляются его *характеристике* – сему особливому некоторому роду изображать малейшие движения сердца в обращении, в домашнем быту – сей неподражаемой, беспритворной *чувствительности*, любви к человечеству – сей *волшебной точке зрения*, из которой описывает он все предметы. – Стерн есть *диво* Английских

Юмористов и образец в своём роде для целой Европы»⁸. Анализ перевода позволяет сделать вывод: заслуга переводчика заключалась в том, что он, во-первых, прекрасно осознавал, какие трудности возникают во время перевода, и, во-вторых, он первый употребил слово «сентиментальность» на русском языке: «Сентиментальность значит: тонкая, нежная и подлинная чувствительность»⁹. Но в целом и Я.А. Галинковский оказался далёк от оригинала.

Среди переводчиков Стерна особое место занимает Н.М. Карамзин, который формировал представление о Стерне как писателе-гуманисте и по достоинству оценил юмор «чувствительного» Йорика». Облик Стерна, который создавал Н.М. Карамзин, вписывался в представление о чувствительном авторе, и это находит подтверждение в переводных и оригинальных публикациях этого периода. Более того, «в поисках своего метода изображения он использовал разработанные Стерном приёмы юмора и иронии, что с наибольшей полнотой и очевидностью проявилось в его итоговом произведении *«Рыцарь нашего времени»*. Устраняя свойственную Стерну ироническую интонацию, Карамзин добивался впечатления целостности произведения. «Он по-своему интерпретировал одно из открытий английского писателя – образ чувствительного автора; обращался к жанру путешествия, использовал приёмы юмора и иронии в поисках более объективного метода изображения человека»¹⁰. И в этом заключается новаторство Карамзина, переводы которого долгое время считались образцовыми.

В биографических воспоминаниях П.И. Бирюкова, Н.Н. Гусева есть упоминания об интересе Л.Н. Толстого к «Сентиментальному путешествию по Франции и Италии» Л. Стерна, но вопрос до сих пор остаётся не изученным. Б.М. Эйхенбаум, Э.П. Зиннер, К.Н. Атарова, И.Е. Верцман, В.Б. Шкловский в своих исследованиях говорят о том, что Стерн как яркий представитель английской сентиментальной литературы оказал на молодого Толстого большое влияние.

О причинах выбора этого произведения для перевода пишет в своих воспоминаниях о Толстом Н.Н. Гусев: «Живое, весёлое, увлекательное изложение, тонкий юмор, блестящее остроумие, любовь ко всем описываемым лицам, полное отсутствие не только злобы к кому – нибудь, но и тени какого – либо осуждения, - всё это находило живой отклик в душе Льва Николаевича»¹¹. Задача нравственного образования (развитие воли и умственных способностей) также стала причиной для обращения Толстого к творчеству Стерна: данная работа позволяла углубить знания в области языка. В дневнике не раз встречаются упоминания о работе над переводом. В записях с 1851 по 1852 год можно встретить многочисленные упоминания о Стерне. Толстой не только с восхищением читает Стерна, но и выписывает поразившие его места, иногда в подлиннике, иногда во французском переводе.

Занимаясь переводом, Толстой, старается следовать манере повествования Стерна, быть близким к тексту. Прежде всего, он сохраняет название романа. В отличие от своих предшественников, Толстой определил жанр своей работы как «опыты художественного характера» [Т.1. С.249]. Текст он делит на главы, количество глав и их названия совпадают в подлиннике и в переводе.

⁸ Галинковский Я.А. Красоты Стерна или собрание лучших его патетических повестей, и отличнейших замечаний на жизнь. Для чувствительных сердец. Перевод с Аглинского. - М., 1801. - С. II.

⁹ Там же. С. 278.

¹⁰ Кафанова О.Б. Н.М. Карамзин – переводчик. (Автореферат). - Томск, 1981. - С. 15.

¹¹ Гусев Н.Н. Толстой в молодости. - М., 1927. - С. 191.

У Стерна в «Сентиментальном путешествии» географические названия посещаемых героем мест занимают место не заголовка главы, а подзаголовка, например, «The monk. Calais» или «The remise door. Calais», и это прежде всего свидетельствует о том, что Стерна интересовали не достопримечательности тех мест, которые он посещал, а люди. Для Толстого, читавшего Стерна в оригинале, принципиально важными оказались два аспекта в художественном наследии английского писателя: проблема чувствительности как нравственного и эстетического обоснования естественности природы человека и стерновское понимание ненормативности каждой личности, искусство воплощения феномена текучести и многозначности душевного процесса.

Толстой, занимаясь переводом, ориентируется на русскую сентиментальную традицию, в частности, на творчество Н.М. Карамзина, для которого «чувство становится одним из качеств, определяющих степень «нравственности» личности». По Карамзину, как считает Спектор, «чувствительная натура способна к наукам и творчеству», «это любящий, страдающий и способный на самопожертвование» человек. Толстому, видимо, оказался ближе именно карамзинский способ описания чувств. Синтез стерновской и карамзинской чувствительности в творчестве Л.Н. Толстого «способствуют глубинному проникновению в методы изображения сокровенного мира человека»¹² и развивают способы психологического анализа. Толстой, несмотря на то, что находится под влиянием стерновской прозы, работая над повестью «Детство», делая попытку написать собственную историю души, не играет в чувство, его интересует чувство цельное, не дробимое рассудком. И в этом его отличие от Стерна.

Толстой не просто читал и переводил Стерна, он осмыслял и включал его в собственное художественное творчество. Свидетельством такого контакта является факт включения «слова» Стерна в текст произведения Л.Н. Толстого. В данном случае речь идёт о выражении «La belle Flamande» («прекрасная фламандка»), появление которого в «Четырёх эпохах развития» и автобиографической трилогии можно связать с переводом «Сентиментального путешествия по Франции и Италии» Л. Стерна.

Героиня из «Сентиментального путешествия» Л. Стерна – “la belle dame”, а если точнее - la belle Flamande. История появления выражения «La belle Flamande» в тексте Толстого, не прокомментированного ни в одном из изданий, в том числе и в новом Полном собрании сочинений Л.Н. Толстого (1 том – 2000г, 2 том – 2002 г.), представляет интерес как свидетельство непосредственного художественного контакта Толстого со Стерном.

Настойчивость, с которой Толстой вводит в свой текст и затем повторяет это выражение, заставляет пристальнее взглянуть в содержание сцен встречи сентиментального путешественника Йорика с фламандкой и проанализировать манеру повествования Стерна.

Главным предметом рассуждений Йорика и раздумий Стерна в эпизоде с фламандкой является тема любви, которая представляется сентиментальному путешественнику как явление особого, духовного порядка. В основе отношения Йорика к фламандке лежит растущее чувство симпатии, основанное на глубоком сопереживании к ней, он испытывает ощущение «какой-то приятной нежности»

¹² Спектор Н.Б. О «стерновской» и «карамзинской» чувствительности в интерпретации молодого Л.Н. Толстого. // Биография. Творчество. Традиции. XVIII век. Карамзинский сборник. Часть 1. - Ульяновск, 1997. - С. 61-66.

[Т.1. С.259]. Грустно-элегическая тональность «Сентиментального путешествия» Стерна служит воссозданию и развитию темы восторженной и сострадательной любви. Судя по дневникам молодого Толстого, мотив грусти, неоднократно возникающий в записях, связан с нравственно-этическими и эстетическими представлениями Толстого в сфере поиска идеала.

«Детство» Толстого насквозь пронизано элегичностью, которая в первую очередь связана с воспоминаниями чувствительного Николеньки Иртеньева о матери. В обрисовке образа матери, к которой, как пишет Толстой, Николенька испытывал «чувство страстной любви, обожания и грустной привязанности» [Т.1. С.283], легко угадывается рисунок Стерна. Лицо матери, как и *la belle Flamande*, освещает внутренняя красота. Доминанта в облике матери, как и у *la belle Flamande*, «мягкость и нежность».

В главе «Письмо» рядом с образом матери впервые появляется образ героини, названной «*la belle Flamande*» - это юная соседка по имени, Авдотья Васильевна Епифанова. Образ молодой красивой женщины вводится во многом по принципу контраста с образом матери: здоровье и кокетство *La belle Flamande* оттеняет болезнь, печаль и глубину душевных переживаний матери Николеньки. Элегическая атмосфера у Толстого, как и Стерна, связана с развитием и утверждением критерия естественности как основы нормы нравственно и эстетически прекрасного. И одновременно, с другой стороны, Толстой вступает в сложный диалог со Стерном, что более всего проявилось в понимании любви.

Образ героини – «типа *belle Flamande*» (запись 1856 года) в перспективе толстовской концепции соотношения естественного и эгоистически индивидуального осмысливается как выражение противоречивости личности, обусловленной миропорядком, разрушающим патриархально - нравственную цельность человеческой натуры. Задолго до «Анны Карениной» на страницах автобиографической трилогии Толстой разрабатывает сюжет двух типов любви как типов мироотношения: идеальный тип – любви матери к детям, к мужу и тип ложной любви, страстной, красивой для себя, обречённой на перерождение и разрушение личности. Вызревание этой концепции, выражавшей национальный и эпохальный характер, происходило в процессе чтения и осмысления сентиментальной прозы Стерна. Процесс освоения Толстым художественного наследия Стерна было многоаспектным и многоуровневым, включал притяжение и отталкивание, которые диктовались не только своеобразием эпох, но нравственно-философской концепцией жизни, опиравшейся на национальные традиции.

Небольшой по объёму текст перевода позволяет выявить некоторые особенности складывающейся эстетики и поэтики Толстого, во всяком случае, увидеть усвоенные у Стерна уроки, касающиеся манеры повествования, и отметить очевидную близость Толстого к русским переводчикам Стерна эпохи сентиментализма.

Б.М. Эйхенбаум, говоря о «глубоком и чрезвычайно характерном» для Толстого «родстве с XVIII веком», отметил: «Здесь традиции многих его приёмов и форм <...> прямых подражаний у Толстого нет. Есть только усвоение некоторых художественных приёмов, нужных для образования его собственной системы»¹³.

Анализ перевода «Сентиментального путешествия...» Стерна раскрывает процесс усвоения этих «некоторых художественных приёмов». Прежде всего,

¹³ Эйхенбаум Б.М. Молодой Толстой. - Петербург-Берлин, 1922. - С. 15.

уроки Стерна связаны с освоением способов изображения характера главного героя и передачи психологического состояния.

Душевное состояние героя раскрывается через *внутренний монолог*. Толстой в переводе сохраняет эту форму выражения мыслей, так как понимает, что этот приём позволяет изобразить душевные движения героя, которые, как показывают дальнейшие события, способны меняться в зависимости от ситуации.

Внутренние монологи, отступления-рассуждения, обращения к читателю позволяют увидеть, что речь героя представляет собой непосредственный, осуществляемый «на глазах» у читателя анализ душевного состояния героя. Л.Н. Толстого интересует этот переход настроений, смешение чувств в душе героя. Этот приём – особый род медитации – Толстой впоследствии будет применять уже в первых своих произведениях, прежде всего, в повести «Детство».

Толстой вслед за Стерном уделяет внимание *деталю, мелочам* (жесту, взгляду, позе). Это соответствует «не только требованиям художественного инстинкта Толстого, но и основным свойствам его психического склада»¹⁴, так как именно в этом осуществляется механизм психологии и приём генерализации, что найдёт своё продолжение в дальнейшем творчестве писателя. Видное место отведено характерной для английского юмориста расшифровке «немного разговора» взглядами. Это явление чисто стерновское.

Для перевода Толстого характерно использование, по определению К.А. Скипиной, «приятной лексики»,¹⁵ доставляющей удовольствие читателю и показывающей душевное и психологическое состояние самого автора, близкого в этот момент своему герою: «...почувствовал особенного рода теплоту на моей щеке», «приятнее и нежнее», «артерии бились так приятно – в одно время» [Т.1. С.250].

Особое внимание обращает на себя *портретная характеристика* героев романа, что позволяет говорить об особенностях мироощущения Л.Н. Толстого, о его взгляде на мир, соприкосновении с новым для него типом героя, который вызывает у него самые разные чувства в зависимости от ситуации: от сентиментального умиления до иронии (портрет монаха).

Обращает на себя внимание использование Толстым *просторечных выражений* (вплоть, заколдовану, тронуту, щедушен), слов с *уменьшительно-ласкательными суффиксами* (батюшка), английское «су» он заменяет русским словом «копейка».

Толстой старается соблюдать особенности английского синтаксиса, показывая текучесть происходящего; но склонность к русской традиции берёт верх, отсюда и своё деление на абзацы, и построение синтаксических конструкций, свойственных русской речи.

Во время работы Толстой испытывал серьёзные трудности, некоторые места в тексте показывают его неудачную борьбу с языком и строем фразы. Не найдя аналога в русском языке английскому слову «inch» (Колмаков переводит его как «дюйм»), Толстой прибегает к помощи французского языка – «роусе» - и в результате переводит как «палец», поэтому вместо фразы «Я вырос на целый дюйм благодаря этому примирению» звучит совершенно неудачный вариант: «Я встал на палец выше от этого примирения» [Т. Т.1. С.250].

¹⁴ Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. - М., 1954. - С. 289.

¹⁵ Скипина К.А. О чувствительной повести. // Русская проза. - Л., 1926. - С. 22.

Таким образом, перевод Толстого очень близок к тексту Стерна, носит почти ученический характер, но именно в этом «ученичестве» наиболее отчётливо проявляется заинтересованное следование будущего русского писателя за английским сентименталистом.

Сравнительный анализ языка из перевода Галинковского и перевода Толстого позволяет увидеть достоинства и недостатки каждого из переводов. Работа Толстого свидетельствует о том, что его интересуют детали, с помощью которых он рисует характер героя и передаёт его «эпизодическое» состояние в данный момент.

Таким образом, прозаический перевод «Сентиментального путешествия по Франции и Италии» Л. Стерна явился органической частью раннего наследия писателя, а художественный метод Стерна соответствовал и способствовал формированию толстовского типа самоанализа и выработке принципов изображения диалектики чувства.

Третья глава «Традиции сентиментализма в повести Л.Н. Толстого «Детство» непосредственно связана с сентиментальными традициями в раннем творчестве Л.Н. Толстого, в частности, в первой части автобиографической трилогии - повести «Детство». Эта повесть – первая попытка художественного изображения внутренней жизни ребёнка. Обращает на себя внимание своеобразие изображаемого материала и концепции Толстого - интерес писателя к эпохе детства, когда происходит формирование характера личности. **В первом разделе «Сентиментальные истоки педагогики Л.Н. Толстого»** на материале статей, писем, дневниковых записей рассматривается вопрос о формировании философии писателя, для которого был важен вопрос о самоопределении человека в мире, так как в процессе самоопределения устанавливается контакт человека с миром. Толстой понимал, что только в гармонии возможно развитие общества и усовершенствование человека. Теоретическим основанием идеи успешности нравственного развития личности и прогресса общества для Толстого являлись ориентация на просветительскую философию, в частности, И.Г. Гердера. Толстого волнуют историософские и педагогические проблемы, поиски путей преобразования человечества. Он искал в просветительской философии опору мыслям о разумности общественных отношений, о справедливости в человеческой истории.

Усвоив центральную идею этики и философии Просвещения о ценности человеческой личности и нравственном совершенствовании её в процессе прогресса человеческого общества, Толстой по типу своего философского и художественного содержания был ориентирован на традиции сентиментализма. Не случайным является тот факт, что ключевой фигурой в жизни и творчестве Л.Н. Толстого стал Ж.-Ж. Руссо. Натуры глубоко религиозные, Руссо и Толстой были неутомимыми искателями смысла жизни и назначения человека на земле. Оба обладали исключительной моральной чуткостью. Глубина и широта философии Руссо позволили стать ему «философским руководителем» молодого Толстого. Исходной точкой мирозерцания обоих писателей была религиозно – нравственная проблема, оба искали правду жизни. Для Руссо главным двигателем всех человеческих поступков становится чувство, выполняющее активную функцию. Руссо начертал программу воспитания совершенного человека на основе развития его естественных склонностей. Руссо создаёт определённую систему

сознательных воздействий на внутренний мир ребёнка. Он уверен в том, что необходимо знать природу ребёнка для того, чтобы воздействовать на него, чтобы воспитывать. Педагогические воззрения Руссо предполагали интерес и уважение к внутренней жизни детей, к их представлениям и интересам. Именно человек в его развитии оказался в центре внимания писателя, стал объектом его исследования.

Глубина и длительность влияния идей Ж.-Ж. Руссо на деятелей русской культуры была огромна. Русские писатели, ориентируясь на явления европейской культуры и на отечественные традиции, разрабатывают целый ряд вопросов, которые определяют отношение к Просвещению: роль воспитания, прогресс в развитии общества и культуры, понимание идеи внесловной ценности человека. В центре внимания русских писателей – Н.И. Новикова, Д.И. Фонвизина, Н.М. Карамзина - воспитание и «образование сердца».

Н.М. Карамзин следует за Руссо, но вместе с тем вступает с ним в полемику (статья «Нечто о науках, искусствах и просвещении»), показывая положительную роль искусства, науки, цивилизации в жизни человека.

Карамзин включает одну из важнейших категорий философии эстетики Руссо, связанных с теорией «естественного человека», в контекст новой концепции, в основе которой, в отличие от Руссо, лежит идея прогресса общества и развития человека. Тем самым Карамзин утверждает проблему изображения «страстей» - сложности человеческого духовного мира – в качестве первостепенной и очерчивает перспективу развития психологической прозы, в русле которой начинает Толстой. Именно в этой перспективе закрепляется интерес философско-нравственного и психологического характера к этапам духовного развития человека, начиная с детства.

Повышенный интерес к творчеству Ж.-Ж. Руссо проявляет В.А. Жуковский, воспитанный на просветительских традициях XVIII века. Он выразил идеи и стремления, которым суждено было найти широкое развитие в русской литературе XIX века. Органический интерес многих русских писателей к педагогике, к широким вопросам воспитания человека говорит не только об особом просветительском, учительном характере русской классической литературы. В.А. Жуковский дважды обращается к роману Руссо «Эмиль, или о воспитании» и делает в его тексте большое количество помет, свидетельствующих о его педагогических воззрениях¹⁶. Он принимает взгляд Руссо на воспитание как на важнейшее средство в деле преобразования общества и солидарен с целым рядом принципиальных установок Руссо – педагога. Однако Жуковский, подобно Карамзину, является сторонником общественного воспитания, в отличие от Руссо, проповедующего воспитание природное, естественное. В нравственно-философской и эстетической системе Жуковского категория и образ «детства» имеет важное значение и, в отличие от Карамзина, сохраняет смысл символа идеальности и чистоты нравственного чувства.

Начало творчества Л.Н. Толстого падает на время поднимавшегося в русской литературе интереса к проблемам становления характера, психологического анализа, появления многочисленных произведений в жанре мемуаров, исповедей, открывавшихся картинами детства («Неточка Незванова» Ф.М. Достоевского, «Сон Обломова» И.А. Гончарова, «Семейная хроника» С.Т. Аксакова). Можно отметить

¹⁶ Подробно об этом см.: Канунова Ф.З. Жуковский – читатель педагогического романа-трактата Руссо «Эмиль, или о воспитании». // Библиотека Жуковского в Томске. Томск, 1988. Ч. III. С. 74-138.

точки сближения в эстетике и поэтике этих художников – и прежде всего в возвращении к концепции Руссо и Карамзина, сказавшейся в глубокой заинтересованности в воссоздании детства в свете идеальности и поэтичности, в развитии мотивов материнства, любви, чувствительности, чуткости к природе.

Понятие «детства» в творчестве Л.Н. Толстого обладает глубоким содержанием и выступает как категория философская, нравственно-этическая, психологическая и эстетическая. Содержание категорий «детство» и «ребёнок» обусловлено философским представлением о раннем периоде развития личности и соотносимо с целой эпохой развития человеческого общества в период его гармоничного, целостного состояния, характеризующегося естественностью, близостью к природе, нравственной полнотой и цельностью.

Во втором разделе «Художественная структура «Детства» (романное и очерковое)» рассматривается вопрос о жанровом синтезе повести «Детство» как отличительной черты творчества Толстого: изображение детства у него не ограничивалось выявлением символики нравственно-философского и общественного содержания, на первом плане оказалась задача воссоздания психологического процесса, духовной жизни героя.

Жанровый синтез «Детства» Толстого, а именно сочетание очеркового с романным, отчётливо просматривается в оглавлении повести, в содержании, в выборе материала. Своеобразие трилогии, и в частности повести «Детство», отмечено многими исследователями Толстого (Б.М. Эйхенбаум, Е.Н. Купреянова, Б.И. Бурсов, Я.С. Билинkis, И.В. Чуприна и др.) – речь идёт о двойном по времени ракурсе освещения происходящего.

Будучи воспоминанием о былом, «Детство», как и последующие за ним «Отрочество» и «Юность», оказалось исповедью современного человека о духовном состоянии на материале детства. Изображая мир ребёнка и мир взрослого, автор показывает два этапа развития человека и даёт читателю возможность пройти вместе с героем путь становления характера человека. Этот процесс в трилогии занимает центральное место.

Принципиально важным является проблема жанровой природы повести «Детство» Л.Н. Толстого. Вопрос о жанре «Детства», как и трилогии в целом, остаётся нерешённым и открытым в современном литературоведении. Традиционным считается определение «Детства», «Отрочества» и «Юности» как автобиографической трилогии Толстого. Жанровая терминологическая «размытость» (хотя, конечно, в определении *трилогия* закреплёно представление о целостности трёх частей как выражении идеи развития героя и автобиографический, личностно активный пласт материала) обусловлена не только сложностью самой проблемы и состоянием этого вопроса в современном толстоведении. Незавершённость, отсутствие чёткости и многовариантность в определении границ жанра является следствием особого содержания самого произведения, его новаторского и экспериментального характера, а главное – присущего ему сложного внутреннего жанрового синтеза.

Задумав изобразить детскую душу, показать, как формируется характер, как складывается личность, Толстой не мог пройти мимо художественного опыта швейцарского писателя Р.Тёпфера (1799 – 1846). Интерес к Тёпферу у Толстого был связан прежде всего с антиромантической установкой начинающего автора, обнаружившейся уже в дневниках и письмах ещё до работы над «Детством».

Толстой акцентирует внимание на ключевых моментах жизни своего героя и использует те же приёмы, какие применял Тёпфер в своём произведении: «воспоминание о прошлом, «двойное» воспоминание (образ в образе), лирические и философские отступления, эмоционально-вопросительные концовки эпизодов (у Тёпфера) и главок (у Толстого), - вот механизм переключения внимания с частного на общее и, наоборот – с общего на частное, в одинаковой мере свойственной обоим писателям»¹⁷. При сравнении обоих произведений можно найти много общего в обрисовке характеров главных героев, в структуре повествования. На сходство чисто внешних приёмов организации материала у Тёпфера и у Толстого первым обратил внимание Б.М. Эйхенбаум¹⁸, который выделил следующие общие черты: приём «окна» как точки наблюдения, частые отступления, отсутствие чётко выраженной фабулы как композиционного стержня, сосредоточенность на деталях¹⁹. Автору «Детства» оказались близки прежде всего стилистические и интонационные предпочтения автора «Библиотеки моего дяди», отталкивающегося от эстетики романтизма и тяготеющего к стилистике сентименталистов конца XVIII века. Отсюда, как указывает П. Попов, опрощение стиля, естественность тона, освобождённого от всякой аффектации, и лиричность повествования, ведущегося от лица чуть наивного, но тонко чувствующего человека.

В третьем разделе «Идиллический пласт повести» рассматривается проблема о необходимости обращения писателя к вопросу о создании принципа организации материала. Очерковое (эпическое) начало, воссоздающее картину мира, проявляется в форме, характерной для идиллии. Л.Н. Толстой сфокусировал внимание не столько на развитии сюжета, сколько на объёмности характера главного героя, на его всестороннем раскрытии, на стремлении героя познать мир и себя в нём. Романное начало, акцентирующее развитие чувства, душевную организацию героя, проявляется в художественной форме, отмеченной связью с музыкальными принципами, с элегией, для которых характерны смысловая и образная насыщенность и многомерность, усложнённость тропов и суггестивность. Теоретическое осмысление принципов организации идиллии (в частности, хронотопа) и трансформации её в других жанрах представлено в трудах М.М. Бахтина, В.Э. Вацура, Е.С. Хаева и др. Занимаясь исследованием идиллических традиций в литературе, М.М. Бахтин отметил три особенности (черты) идиллического хронотопа: «особое отношение времени к пространству в идиллии: органическая прикреплённость, приращённость жизни и её событий к месту; строгая ограниченность её только основными немногочисленными реальностями жизни (любовь, смерть рождение, брак, религия); сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма, общий язык для явлений природы и событий человеческой жизни»²⁰. И эти особенности находят непосредственное отражение и воплощение в повести Л.Н. Толстого «Детство».

Первая черта – «особое отношение времени к пространству в идиллии: органическая прикреплённость, приращённость жизни и её событий к месту».

¹⁷ Седельник В.Д. Родольф Тёпфер – новеллист и художник. // Родольф Тёпфер. Женевские новеллы. - М., 1982. - С. 431.

¹⁸ Эйхенбаум Б.М. Молодой Толстой. - П. – Берлин, 1922. - С. 31.

¹⁹ Об этом подробнее см.: Попов П. Стиль ранних повестей Толстого («Детство» и «Отрочество») // Литературное наследство. - М., 1939. - Т. 35-36. - С. 78-116.

²⁰ Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. // Вопросы литературы и эстетики. - М., 1975. - С. 374-375.

Исследование особенностей восприятия Толстым сентиментальных традиций, и в частности, идиллического хронотопа, представляется более объективным, если анализ повести проводить в контексте, который включает не только предшествующую литературу, но и современную Толстому («Сон Обломова» И.А. Гончарова, «История Ульяны Терентьевны» П.А. Кулиша, «Семейная хроника» С.Т. Аксакова). Рассмотрение проблемы сентиментальных традиций в таком контексте позволяет обнаружить общие закономерности трансформации идиллического жанра в творчестве русских писателей середины XIX века и одновременно выявить своеобразие Толстого.

Вторая черта идиллического хронотопа – *«строгая ограниченность только основными немногочисленными реальностями жизни (любовь, смерть, рождение, брак, религия)»*. «Основные реальности жизни» в «Детстве» Толстого – любовь, понимаемая как милосердие, доброта, правящая миром, и религия. Толстой создаёт свою типологию любовного чувства. В третьей части трилогии, в повести «Юность», в главе «Любовь» (XXIV), он пишет «про любовь к человеку» в целом. Типология любви имеет более широкое значение и определяется нравственным содержанием. Образы всех действующих лиц группируются в повести вокруг центрального образа – Николеньки. Реальное содержание этих образов выявляется в том влиянии, которое они объективно оказали на духовное развитие мальчика (Наталя Николаевна, Наталя Савишна, бабушка). Эти люди формировали личность маленького человека, в этой стихии любви, которой они его окружили, происходило становление ребёнка.

В связи с проблемой идиллической структуры повести «Детство» Толстого представляется интересной повесть П.А. Кулиша «История Ульяны Терентьевны». Толстой отзывался с симпатией о повести, в которой близки ему были нравственно – психологические проблемы становления детского характера, и не был удовлетворён камерностью сюжета, он увидел «неосновательность» повести Кулиша в отсутствии связи концепции характера с высшими нравственными ценностями, а именно – восхождение к истине через утраты, стремление к духовности, воплощённой в вере.

Особое место в повести «Детство» занимает образ юродивого Гриши, так как именно с этим героем произведения связаны важнейшие философские вопросы веры, жизни и смерти. В повести Толстого образ юродивого приобретает ключевое значение, так как с этим образом оказываются связаны и соотнесены люди, окружавшие Николеньку, это для него становится в какой-то степени ценностным ориентиром. Создавая этот образ, Л.Н. Толстой посвящает Грише две главы повести – «Юродивый» (V глава) и «Гриша» (XII глава). Расположение глав о Грише дано в динамике, что позволяет автору дать более полное представление не только о Грише, но и о юродстве в целом, а главное выстроить внутреннюю иерархию духовных ценностей в повести, поместив на первое место и сделав его сквозным – мотив святости.

Особенно явственно связь с сентиментальным текстом проявляется в такой особенности идиллического хронотопа как *«сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма, общий язык для явлений природы и событий человеческой жизни»*. Для сентиментализма характерны такие ключевые понятия как природа, человек и его чувства. В сентиментальной прозе новым для читателя явилось открытие природы как источника эстетических наслаждений («Письма

русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Сон Обломова» И.А. Гончарова, «История Ульяны Терентьевны» П.А. Кулиша).

Художественный мир Толстого включает описание природы как важный аспект изображения мира и человека. М.М. Бахтин писал, что «сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма, общий язык явлений природы и событий человеческой жизни»²¹ - одно из определяющих, существенных свойств идиллии. Анализ дневниковых записей и главы «Охота» из повести «Детство» позволяют проследить эмоциональное состояние автора и его героя, которые не могут скрыть своих чувств, когда находятся под впечатлением удивительной картины природы.

В четвёртом разделе «Элегическая доминанта повествования» показана исключительная сосредоточенность Л.Н. Толстого на воссоздании картины душевной жизни героя в процессе его общения с миром. Сами принципы психологического анализа восходят у него к сентиментальным традициям, в частности, к такой особенности поэтики как музыкальная организация текста, включающая в себя понятия тона и сквозных мотивов. М.М. Бахтин указывал на «проблему тона в литературе»²² как на одну из основополагающих в типологии литературы и разработал план-конспект, озаглавленный «Проблема тона в литературе (смех и слёзы и их дериваты)». Бахтин намечает важнейшие аспекты исследования проблемы сентиментализма и его традиций в развитии мировой литературы, среди которых можно отметить проблему природы сентиментализма («Кульм чувства. Уход в микромир простых человеческих переживаний»), изучение философского и эстетического содержания («Проблема типологии. Миросозерцательное значение слёз и печали. Слёзный аспект мира. Сострадание») и т.д.

Тон печали, тон скорби связан в повести с проблемой нравственного самоопределения, рефлексии, потребности идеала и страдания от невозможности его достичь. Высшим нравственным критерием в этическом поле писателя является идея Иисуса Христа. Мотивы, реализующие этот тон, - это мотив смерти, утраты, одиночества, разлуки и т.д. В связи с данным утверждением особую актуальность приобретает статья В.А. Жуковского «О меланхолии в жизни и в поэзии» (1845), так как здесь присутствует определённая общность мировосприятия Толстого и Жуковского. Размышления В.А. Жуковского позволяют лучше понять миропонимание Л.Н. Толстого, которого волнуют «вечные» проблемы, и провести чёткую грань между понятиями «меланхолия» и «скорбь» относительно повести «Детство». Для Толстого ближе скорбь, нежели меланхолия, и эта мысль находит подтверждение в дневниках, письмах писателя и, конечно, непосредственно в повести «Детство».

Одна из «вечных» проблем - проблема жизни и смерти - находит своё решение в повести. Тон радости связан с мотивами обретения счастья, общения, открытий, гармонического единения с природой, людьми, с торжеством христианской любви к ближнему, любви матери.

Среди бумаг Л.Н. Толстого 1850 года сохранились статьи «Три отрывка о музыке», которые помогают понять его замысел: музыкальный принцип с ярко выраженным оттенком элегического тона (как приоритета идеи духовного

²¹ Бахтин М.М. Указ. соч. - С. 375.

²² Бахтин М.М. Указ. соч. - С. 345.

стремления к идеалу) оказывается универсальным для повествования Толстого, для развития лирико – философского конфликта.

Параллельно с развитием внешнего сюжета, хроникально – панорамного по своей структуре и организованного по идиллическому принципу, в повести «Детство» развёртывается сюжет, связанный с изображением духовного становления героя – мальчика и повествователя. Многочисленные отступления позволяют увидеть ход мыслей героя (как ребёнка, так и взрослого человека), понять его чувства, переживания, движения души и сердца. Толстой акцентирует внимание не только на процессе душевного развития Николеньки, но и на процессе духовного (умственного) развития своего героя. Рядом с детским образом Николеньки в повести дан чётко очерченный образ авторского «я».

Развитие внутреннего, лирико – философского сюжета идёт через лейтмотивы, среди которых особое место занимают мотив смерти, мотив слёз и мотив воспоминаний. Все три мотива даны в тесном переплетении друг с другом. В центре внимания писателя – процесс духовного становления десятилетнего мальчика.

Слёзы - это способ выражения чувств, переживаемых персонажем. Истоки мотива слёз, повышенной чувствительности у Л.Н. Толстого восходят, прежде всего, к литературе сентиментализма, в частности к творчеству Л. Стерна («Сентиментальное путешествие...»). Если чувствительность героя Стерна – это «лишь способ комфортно устроиться в условиях несправедливого, лицемерного, неискреннего мира существующего»²³, то читатель Толстого видит Николеньку в полной власти своих иллюзий, вызванных игрой его собственного воображения, наблюдает за тем, как болезненно отзывается герой на всякое сердечное движение.

В связи с этим можно ввести типологию слёз в повести «Детство»: *слёзы досады, «слёзы воображения», слёзы разлуки, слёзы восторга, слёзы любви, слёзы гнева и последующего за ним раскаяния, слёзы обиды, слёзы религиозного восторга, слёзы печали, слёзы горя*. Толстому важно было придать миру Николеньки позицию чувствительного героя, чтобы передать характер в полной мере, поставив его в различные ситуации, чтобы показать, как данные жизненные реалии влияли на формирование мировоззрения героя. Слёзы в повести возведены в культ сострадания, доброты и любви.

Целостность восприятия вещи основана на воскрешении добрых чувств в душе каждого человека, на естественной и обычной любви людей к своим детским воспоминаниям.

Воспоминания в повести функционируют как жанровое включение и определяют элегический стиль повествования. Мотив воспоминаний тесно связан с таким понятием как исповедальность. Он позволяет наблюдать за малейшими движениями души и составить представление о единстве личности.

Для стиля «Детства» характерен *медитативный строй повествования, риторические вопросы*. Они служат у Толстого реализацией философского содержания и позволяют ему не только передать раздумья о жизни взрослого человека, но и привести психику (автора, читателя) в состояние глубокой сосредоточенности и применить этот опыт к себе. Данный приём – это своеобразный «мостик», ведущий от личного, интимного к всеобщему: душевные состояния изображаются здесь в виде последовательности мыслей и чувств,

²³ Спектор Н.Б. Указ. соч. - С. 59.

позволяющих дать оценку человеческой жизни, задуматься о смысле бытия, о бренном и вечном.

В Заключении подводятся итоги проведённого исследования и определяются перспективы развития темы: рассмотреть динамику развития образа главного героя в произведениях второй половины 1850-х г.г., способы его изображения и особенности творческого метода писателя.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

1. Васильева Е.Ю. Проблема читателя в повести Л.Н. Толстого «Детство» (Художественные способы организации коммуникативной связи) // Коммуникативные аспекты языка и культуры: Сборник научных статей и тезисов I Межвузовской науч.-практ. конф. студ., аспирантов и молодых учёных (28-29 марта 2001 года). – Томск: Изд-во ТПУ, 2001. – С. 253-255.
2. Васильева Е.Ю. Христианские истоки эстетики раннего Л.Н. Толстого // Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения и журналистики: Мат-лы науч.-метод. конференции молодых учёных (12-13 апреля 2002 года). – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 81-84.
3. Васильева Е.Ю. Проблема «чувствительного читателя» и художественная структура повести Л.Н. Толстого «Детство» // Педагогические идеи русской литературы: Материалы междунар. конф. (20-22 августа 2003 года). – Коломна: Изд-во КГПИ, 2003. – С. 121-123.
4. Васильева Е.Ю. Ранний перевод Л.Н. Толстого. («Сентиментальное путешествие...» Л. Стерна) // Русская литература в современном литературном пространстве: Мат-лы II Всероссийской конф., посвящ. 100-летию ТГПУ (1-3 ноября 2002). – Томск: Изд-во ТГПУ, 2003. – Часть 1. – С. 164-170.
5. Васильева Е.Ю. Проблема морального уединения в миропонимании Л.Н. Толстого // Наука и образование: Мат-лы VIII Всероссийской конф. студ., аспирантов и молодых учёных (19-23 апреля 2004 года). – Томск: Изд-во ТГПУ, 2004. – Т. 2. – Ч. 1: Филология. – С. 149-154.
6. Васильева Е.Ю. «La belle Flamande» (Л. Стерн в творческих опытах молодого Л.Н. Толстого) // Вестник Томского государственного университета, 2006. - № 291. – Серия: Филология. – С. 61-65. В соавторстве с Э.М. Жилияковой.
7. Васильева Е.Ю. Типология синтеза философского и художественного начал в произведениях Бюффона и раннего Л.Н. Толстого // Наука и образование: Мат-лы IX Всероссийской конф. студ., аспирантов и молодых учёных (25-29 апреля 2005 года). - Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. – Т. 2. – Ч. 1: Филология. – С. 79-85.

8. Васильева Е.Ю. Жанр повести П.А. Кулиша «История Ульяны Терентьевны» // Наука и образование: Мат-лы X Всероссийской конф. студ., аспирант. и молодых учёных (15-19 мая 2006 года). - Томск: Изд-во ТГПУ, 2006. – Т. 2. – Ч. 1: Филология. – С. 33-38.